

Любовное проклятие Фредерика Шопена. Кто погубил великого пианиста?

«Мы подверглись ярости разнузданного московского сброда. Ах, почему я не могу уничтожить хотя бы одного москаля!» Кто мог сказать эти слова? Семён Петлюра ? Степан Бандера ? Нет. Автор этих слов - один из величайших композиторов XIX столетия - Фредерик Шопен . Фредерик Францышек, а именно так назвали младенца, родился в местечке Желязова Воля, что около Варшавы, в семье подданных Российской империи - французского эмигранта Николая Шопена и Юстины Кржижановской . Произошло это событие в 1810 г., а вот точную дату определить затруднительно. Метрика не сходится с семейными архивами - то ли 22 февраля, то ли 1 марта. Как бы там ни было, мальчику повезло - его мать была большой любительницей музыки и незаурядной пианисткой. По её настоянию муж Николай приобрёл довольно дорогую по тем временам вещь - фортепиано. 19-летний Фредерик Шопен. 1829 год. Фото: www.globallookpress.com Гений нечистых кровей И Фредерик ещё в восьмилетнем возрасте осознал, что своей карьерой он обязан прежде всего матери. На первом же публичном выступлении в Варшаве, где Шопен играл полонез собственного сочинения, он был удостоен восторженных оваций публики. После концерта он подбежал к матери со словами благодарности. «Мама, ты слышала, как они хлопали? Это потому, что ты пришла к коричневой курточке белый кружевной воротничок - очень красиво!» - сцена, как будто списанная с нынешней рекламы отбеливающих средств. Официальная же реакция на этот музыкальный прорыв отнюдь не страдала детской наивностью: «Шопен - настоящий гений музыки, сочиняющий танцы и вариации, которые вызывают восторг у знатоков и ценителей. Если бы этот вундеркинд родился во Франции или Германии, он привлёк бы к себе настоящее, большое внимание». Похоже, что родители Шопена, да и он сам, были с этим вполне согласны - последующая музыкальная карьера композитора складывалась вдали от Польши, в тогдашней «столице мира» - Париже. Там же его застали события, заставившие произнести речи, которые сейчас можно квалифицировать как разжигание межнациональной розни. Польское восстание 1830-1831 гг. начиналось довольно бодро и радостно. Гордым шляхтичам вполне успешно удалось вырезать русские гарнизоны, личный состав которых проходил по армейским ведомостям как «инвалидная команда». Но потом москали вновь овладели Варшавой и лишили Польшу всех привилегий, в частности Конституции. Горе и боль Шопена не поддаются описанию. Особенно его тяготит то, что вновь увидеть родину вряд ли удастся. Шопен, 1849 год. Единственная сохранившаяся фотография. Фото: commons.wikimedia.org / Louis-Auguste Bisson Что бы его ждало в Польше? Соотечественники могли восхищаться его дарованием, но в высший свет ему, плебею, сыну француза-гувернёра, хода не было. Когда он хотел жениться на аристократке Марысе Водзиньской, её родители дали понять, что ничего не выйдет. «Жалею, что ваша фамилия не Шопиньский», - так писала мать Марыси композитору, чьё имя уже гремело на всю Европу. Прощай, оружие! Париж - иное дело. Здешний бомонд принимает Шопена с восторгом. Он водит дружбу с такими гигантами, как Гейне, Берлиоз, Беллини. Им восхищается живописец Эжен Делакруа . Тёплые отношения связывают его с Мендельсоном. А вот ещё с одним современником, Ференцем Листом, отношения не заладились. В 1836 г. в салоне Мари д'Агу Шопен знакомится со знаменитой писательницей Жорж Санд . Вот как он описывает эту встречу: «Лицо госпожи Дюдеван , известной под именем Жорж Санд, несимпатично. Она мне совсем не понравилась. В ней есть даже что-то отталкивающее». Однако самой Санд Шопен был необходим до крайности. В чём же дело? Зачем она так хотела заполучить себе этого поляка? Причина проста. Мари д'Агу числила у себя в любовниках знаменитого виртуоза и композитора Ференца Листа .

История любви: Жорж Санд и Фредерик Шопен

Её подруга, Жорж Санд, которой, видимо, не хватало не только литературной славы, но хотелось ещё и славы женской, отчаянно завидовала Мари. Ей срочно нужно было обзавестись не менее знаменитым любовником. И тут появляется Шопен... Две дамы сбрасывают маски светской дружбы и начинают затяжную дуэль, оружием в которой служат два гения. Но Жорж Санд не повезло. Её «оружие» по поражающим факторам было выше всех похвал, однако в плане физического здоровья Шопен сильно уступал Листу. Чахотка - плохой помощник в публичных выступлениях. Но Жорж Санд до здоровья Шопена не было никакого дела. Когда Лист даёт свой триумфальный концерт в зале Парижской консерватории, Санд предпринимает решительную контратаку и устраивает камерное выступление Шопена в зале Плейеля. Тот, несмотря на открывшееся кровохарканье и нечеловеческую усталость, вынужден согласиться. Концерт проходит великолепно. Генрих Гейне называет Шопена «Рафаэлем фортепьяно», Жорж Санд торжествует... Постоянные выступления окончательно подорвали здоровье композитора. «Оружие» вышло из строя. Что обычно делают, когда инструмент приходит в негодность? Правильно - его выбрасывают. Точно такая же судьба была уготована Шопену. В 1847 г. Жорж Санд, осознав, что дуэль проиграна, бросает своего возлюбленного. Благодарная родина? Через два года Шопен умирает. Но писательница продолжает мстить ему, как не оправдавшему надежд, даже после смерти. По её настоянию парный портрет, где Эжен Делакруа изобразил Шопена импровизирующим на

фортепьяно и Жорж Санд в роли слушателя, был разрезан надвое. Жорж Санд велела разрезать это полотно надвое... Посмертная судьба Шопена полна возвышенной романтики и горькой иронии. Тело композитора покоится на парижском кладбище Пер-Лашез, а сердце, согласно его воле, было отправлено в Варшаву, где по сегодняшний день находится в церкви Святого Креста. Но к самому Шопену у поляков отношение было странным. Спустя меньше чем полвека после его смерти соотечественники умудрились забыть о нём окончательно. Русский композитор Милий Балакирев, большой почитатель таланта Шопена, приехав в Варшаву, был поражён. «Домик, в котором родился гениальный Фридерик, я застал в ужасном состоянии заброшенности, а нынешний владелец деревушки вообще не знал, кто такой Шопен... Результатом моей деятельности явилось учреждение памятника в Желязовой Воле, которое состоялось 14 октября 1894 г.». Ирония судьбы - проклинаемые Шопеном «москали, эти восточные варвары» заботились о сохранении его наследия едва ли не больше, чем гордые шляхтичи... Начало «Ноктюрна» № 18 Фредерика Шопена Ми мажор, Op.62 № 2. Фото: Commons.wikimedia.org